

Некоторые из «мэтров» сяншэна тоже тайком смотрели трансляцию. После этого номера они невольно прижали руки к груди — сердце колотилось от пережитого страха. Слава богу, они промолчали и не успели ничего написать в соцсетях, иначе получили бы пощечину на сверхсветовой скорости.

Этот Джесси просто токсичен! Имея такие способности, почему ты молчал раньше и позволял называть себя «вазой» несколько месяцев?!

Если уж профи были в шоке, то что говорить о дилетантах, строивших из себя знатоков — те в миг лишились дара речи.

И никакая аналитика от экспертов не требовалась: аплодисменты и крики «Браво!» в зале говорили сами за финалистов.

Самое удивительное было в другом: если вникнуть, то Мэйхуа дагу в исполнении Ци Шэцзяна, в отличие от его оперных пародий, не походило на имитацию какого-либо известного мастера.

Если бы их заставили судить строго, они бы сказали: это похоже на совершенно новый стиль!

Никто не смел верить, что Ци Шэцзян создал его сам — это была бы заявка на основание собственной школы. В глубине души люди гадали: неужели это то самое загадочное «уличное» наследство, о котором он говорил? Значит, в народе действительно скрываются великие мастера.

Они и не подозревали, что Ци Шэцзян, как единственный преемник Цзыдишу, прибывший напрямую из восьмидесятилетней давности, не учился ни у одного из нынешних течений. Естественно, он стоял особняком.

— Хорошо, очень хорошо! — Чжоу Сыхэ, улыбаясь, обратился к Ци, когда тот закончил дуэт с Лю Цином. — А теперь спой сольно Цзинъюнь дагу. «Павильон красных слив» знаешь?

Лю Цин немного отступил.

Ци Шэцзян кивнул и тут же запел: — Мелкий дождь и тень за легким окном, кисть и тушь застыли в бреду шальном. Больше всех боюсь я ветров шальных, что сорвут бутоны цветов живых. Словно дым и тучи, года текут, жемчуг в прах и в горсть — печальный труд...

Текст «Павильона красных слив» тоже происходил из репертуара Цзыдишу, Ци знал его как свои пять пальцев.

В стиле Цзинъюнь было много прославленных мастеров, когда-то этот жанр гремел по всей стране. Пение Ци немного напоминало школу Му, но знатоки бы поняли: это лишь влияние его оперной базы.

Как бы то ни было, он снова сорвал шквал аплодисментов. Для артиста сяншэна петь на таком уровне — это за гранью возможного.

После этих двух фрагментов Ци Шэцзян отказался продолжать. Он поклонился и встал позади всех, его лицо оставалось спокойным.

Он-то был спокоен, а вот в чате трансляции творилось безумие.

□Ты... Я...□

□Те, кто клялся, что Джесси провалится, выйдите из тени, а? Вы мне скажите, эти зрители сейчас его освистывают, да?□

□Я в оцепенении! Значит, он не «не умеет» дагу, а поет его невероятно круто? Тогда почему кто-то говорил, что в «Зачем западный флигель» он фальшивил?!□

□...Черт, такое не натренируешь за пару дней. Наверняка там была просто авторская адаптация, а вовсе не фальшь.□

□Камера промелькнула — там столько солидных дядечек аплодируют! [смех до слез]□

□Как назывался этот отрывок? Я внезапно осознала красоту дагу!□

□Кажется, ты осознала красоту Ци Шэцзяна...□

□Слышите? Это звук пощечин, летящих в хейтеров!□

С момента начала выступления и до самого финала ключевые слова, связанные с Ци, не покидали топы поисковиков: «Ци Шэцзян пекинская опера», «Ци Шэцзян Мэйхуа дагу», «Ци Шэцзян шутит над Чжан Юэ». Но самым неожиданным стал тег «Ци Шэцзян и его напарник Лю Цин».

Пользователи были страшно заняты: сначала пошли поглумиться к «мэтрам» сяньшэна, потом — пожалеть Чжан Юэ в его аккаунте, затем — позвать оперных звезд оценить вокал, и наконец, дружно нашли страницу Лю Цина. Его микроблог буквально «перепахали», завалив поздравлениями и выражая белую зависть.

Лю Цину тоже присвоили «титул наложницы», пожелав ему стараться и закрепиться на этом месте. После недолгих изысканий фанаты решили: Лю Цин из хорошей школы, в дуэте с Ци держался достойно, так что на роль «наложницы» вполне тянет.

Лю Цин, который всего несколько дней назад стал учеником, внезапно проснулся знаменитым. Число его подписчиков взлетело, а сам он пребывал в полной прострации. Он надеялся, что его заметят, но не ожидал такого энтузиазма. Пришлось выложить пару фото Ци Шэцзяна с репетиций, чтобы отблагодарить аудиторию.

Что касается Чжан Юэ, то, вопреки ожиданиям, он не подавал знаков жизни весь вечер. Все ворчали: «И слава богу, а то бы снова начал его критиковать и опять получил бы по лицу». Неужели шишка от «Жизни в садах и полях» еще не прошла?

На следующий день история набрала обороты. Те, кто лег спать пораньше, проснулись в мире, где все новости были только об этом. Журналисты, как и фанаты, сбились с ног. Попытались поймать «мэтров» сяньшэна — те разбежались. Кое-как зажали одного артиста перед его выступлением. Деваться было некуда, пришлось отвечать.

— Учитель Линь Ян, Линь-лаоши! Расскажите о вчерашнем выступлении Джесси? Он блестяще помог Чжоу Сыхэ, его оперу называют «божественным воссозданием». Очевидно, что база у него глубокая. Как вы считаете, достаточно ли этого, чтобы называться профессиональным артистом сяньшэна? — микрофон почти уперся ему в зубы.

Линь Ян был опытным артистом, на поколение младше Мэн Цзиньюаня. Не такой знаменитый,

но частый гость на ТВ.

Он помрачнел и огрызнулся: — Это не имеет отношения к базе сяншэна. Он, в лучшем случае, неплохой любитель. И вообще, в искусстве важна специализация. Я знаком с учителем Мо Ганем, и его уровень — это недостижимая вершина. Какое еще «божественное воссоздание»?

Репортер на секунду заглянул в телефон, а потом поднял глаза:

— А что вы скажете на то, что учитель Мо Гань только что в интервью нашему каналу заявил: «Многие молодые актеры в оперных училищах поют куда хуже Джесси»? И добавил: «Если в сяншэне ему не рады, он лично приглашает Джесси перейти в театр пекинской оперы». Как вы это прокомментируете?

Линь Ян: «.....» Твою мать, вы меня разыгрываете?!

У современных журналистов методы были куда изощреннее, чем привык Линь Ян. Он в ярости развернулся и ушел. Гнев был наполовину настоящий (из-за уязвленного самолюбия), а наполовину притворный — он просто не знал, что на это ответить!

Учитель Мо Гань славился прямолинейностью. Он занимал руководящий пост и имел право на такие заявления. Хотя он не был знаком с Ци, он был в курсе шумихи в мире искусства. Оперные круги и круги сяншэна во многом похожи: «уравнять воду» там крайне сложно.

Мо Гань был величиной. Когда журналисты показали ему записи выступления, он не стал слушать доводы комиков — если ему понравилось, он так и сказал. Это интервью произвело эффект разорвавшейся бомбы. Пусть это и выглядело как полушутка, слова Мо Ганя стали высшим сертификатом качества.

В мире сяншэна артистов с такими способностями можно пересчитать по пальцам одной руки. Это было признание не просто публики, а самого первоисточника, живой легенды. На этом фоне кучка недоброжелателей, вцепившихся в вопрос «официального наставника», выглядела мелочно. Теперь даже обычные пользователи видели: это просто зависть и косность.

□ Не понимаю, какой сейчас век? Всё еще смотрят на иерархию. Поучились бы у Мэн-лаоши — вот где истинное благородство. □

□ Мо Гань — крутой! Прямо дал понять, что парня зажимают. □

□ Они там в сяншэне думают, что их одобрение — истина в последней инстанции? Разозлят нашего Джесси, и он реально уйдет в оперу. □

□ Нет, разозлят — и он вернется в айдолы, там платят больше! □

□ Кстати, раз Мэн-лаоши так хорошо к нему относится, почему Джесси не пойдет в ученики к нему или к Цзэн Вэню? Это бы решило проблему с "официальностью". □

□ С одной стороны верно, но прогибаться под этих хейтеров — противно. Я за то, чтобы Джесси шел своим путем! □

□ Я работаю в концертном агентстве, сотрудничаю с труппой Мэна. Слышал, у Мэн-лаоши была такая мысль, но этот Линь Ян везде бегаёт и жалобы строчит. Сами посудите: Линь Ян младше

Мэна. Если Джесси станет учеником Мэна, он по иерархии станет выше Линь Яна и многих других. Молодой парень — и сразу "дядюшка" или "дедушка" по школе? Им же придется ему кланяться. Конечно, они в бешенстве...□

Действительно, Мэн Цзинъюань спрашивал Ци Шэцзяна, не хочет ли тот официально войти в его школу. Стиль Ци идеально подходил их дому. Ци был связан со своим учителем лишь устным обещанием, официальной церемонии не было, так что это не считалось бы предательством.

Но Ци отказался. И вовсе не из-за Линь Яна. Ци Шэцзян просто не мог. Это было бы неуважением к его настоящему учителю. С тем, прежним мастером, он прошел настоящую церемонию, кланялся перед алтарем основателей. Верность долгу в его сердце была незыблема.

После того выступления у Ци наступило затишье. Съёмки «Жизни в садах и полях» были еще не скоро, а новые предложения Ли Цзина не устраивали — он не хотел терять в качестве ради минутной выгоды. Ци с удовольствием остался дома, продолжая разбирать тексты Цзыдишу.

Период промоушена у Чжан Юэ тоже подошел к концу. С тех пор как Ци снова «проехался» по нему в своем номере, рокера подкалывали на каждом шагу. Его товарищи по группе засмотрели запись до дыр и почти выучили текст.

Чжан Юэ примчался к Ци Шэцзяну. С одной стороны — узнать, как дела с музыкой, с другой — выговориться:

— Послушай, ты на мне карьеру строишь, а я даже за авторские права денег не беру! Ты хоть видел, что у меня в комментариях творится? Все спрашивают, где моя «деревенская акита». Как насчет компенсации за моральный ущерб?

Он даже не упомянул про «титул наложницы» — слишком унижительно быть «братом по гарему» какому-то Лю Цину...!

Ци Шэцзян, у которого даже не было своего Weibo (он как-то спрашивал Чжана, что значит «23333»), похоже, вообще не следил за соцсетями. Чжан Юэ не решился сказать ему правду.

— Так вы тоже подколите меня в Weibo! — предложил Ци. — Я не обижусь. Это же показывает, что у нас хорошие отношения.

Чжан Юэ опешил: — Что?..

Он замер. Неужели это правда? Он только начал узнавать термины сяньшэна. Неужели Ци действительно считает его другом, а не просто объектом для шуток?

— Правда. Поймите, первый раз — это был просто прием, чтобы зацепить публику. А потом я продолжал только потому, что знал: вы не обидитесь, а эффект для шоу отличный. Посмотрите сяньшэн — мы чаще всего шутим над своими напарниками, семьей или близкими друзьями. Если хотите, можете тоже про меня что-нибудь сказать, я только за, — Ци говорил совершенно искренне.

Чжан Юэ пробурчал: — Кто еще захочет про тебя говорить...

Он присел и, листая ленту, всё же репостнул gifку, которую сделали фанаты Ци: там обычно спокойный Джесси случайно споткнулся или чихнул. Чжан Юэ сопровождал репост громким «Ха-ха!», заставив фанатов вздохнуть: «Бедный, его так затроллили, что он ищет хоть какой-то компромисс, но в итоге это выглядит просто как милое поддразнивание... Брат, ты не заметил, что это делает его еще очаровательнее?»

— «Сон безумца»? Спой, — Чжан Юэ заметил на столе у Ци новый текст.

Это была версия, которую Ци переделал сам.

Ци Шэцзян сел на ковер, взял саньсянь: — К чему в делах мирских быть слишком строгим, жизнь — это сон, твердили нам пророки... Бабочкой стать иль во сне раствориться, в грезах не стоит напрасно трудиться...

Чжан Юэ почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он сидел на диване, расслабившись, но теперь подался вперед, не отрывая взгляда от Ци. Обычный слушатель бы не заметил, но у Чжан Юэ был другой слух. Эти строки Ци пел с такой пронзительной печалью, будто его сковал иней. В его голосе была горечь и тоска. Можно было бы списать это на вхождение в образ, но откуда взяться такой подлинной боли?

У Ци Шэцзяна живы родители, карьера идет в гору, его обожают миллионы. Даже если кто-то пытается его задеть, он тут же дает сдачи. Откуда у такого успешного молодого человека эта тяжелая, вековая печаль? Это было так противоречиво... Но именно это противоречие в уголках глаз Ци, блуждающее вместе со звуками струн, окутало Чжан Юэ. Ему нестерпимо захотелось разгадать этот туман, понять, что на самом деле на душе у этого человека.

Ци Шэцзян отложил инструмент: — Здесь было три перехода и четыре вдоха, слишком затянуто, я немного сократил...

Он заметил, что Чжан Юэ молчит. Повернувшись, он увидел его странное выражение лица.

— Что случилось?

Чжан Юэ нахмурился: — О чем ты так грустишь?

Ци Шэцзян не ожидал, что тот услышит его истинное состояние. Он замер, не зная, что ответить. Восемьдесят лет — как сон, полуправда, полувывысел. Со временем печаль становится естественной спутницей. Обычно в суете работы он об этом не думает, но сейчас «Сон безумца» задел нужные струны. Он был поражен тем, что Чжан Юэ почувствовал это. Говорят, найти «родную душу» (чжиинь) в искусстве трудно. Но он не мог раскрыть правду, поэтому просто молча смотрел на него.

Чжан Юэ, видя эту редкую беспомощность в глазах Ци, решил сменить тему: — Дай-ка мне почитать текст.

Пока они работали, зазвонил телефон. Это был Ли Цзин. Ся Ивэй тоже была в Пекине — она записывала клип на новую песню, которую планировала презентовать в туре. Ли Цзин обычно помогал ей с организационными вопросами.

— Дядя Цзин, что случилось? — спросил Ци.

Чжан Юэ наблюдал, как Ци слушает, кивает, а потом откладывает телефон.

— Что-то срочное?

— На сегодня, наверное, закончим. Маме нужна помощь, — сказал Ци. — В её новой песне есть оперная вставка. Они пригласили актера из театра, но тот срочно улетел на гастроли за границу. Съёмки нельзя откладывать, а другие кандидаты им не нравятся. Вспомнили про меня.

Это было логично: родной сын, который только что доказал свою гениальность в имитации оперы — идеальный выбор. А дуэт матери и сына добавит клипу ценности.

Чжан Юэ хмыкнул и скривил губы.

— Эй, давай с нами, — предложил Ци, не заметив его лица. — Уже почти обед, поедим вместе, а днем ты сможешь дать пару советов.

Он знал, что Чжан Юэ знаком с Ся Ивэй — они вращаются в одном кругу, пусть и не близки.

Лицо Чжан Юэ мгновенно прояснилось: — Ну, раз ты просишь...

Пока он думал, как бы поинтереснее ответить, Ци уже вскочил: — Пойдем-пойдем, надевай куртку.

Чжан Юэ, не успев даже набить себе цену, послушно поплелся следом. Они прибыли на площадку. Ли Цзин, Ся Ивэй и режиссер клипа обсуждали рабочие моменты. Увидев Ци Шэцзяна в компании Чжан Юэ, они замерли в крайнем удивлении. Ли Цзин знал, что они вместе занимаются музыкой, но режиссер и Ся Ивэй широко раскрыли глаза. Как так? Разве они не заклятые враги?

— Мама, дядя Цзин, — поздоровался Ци и кивнул режиссеру.

Чжан Юэ, засунув руки в карманы, тоже поздоровался. Повернувшись к Ся Ивэй, он выдал:

— Здравствуйте, тетя.

Ся Ивэй, только собиравшаяся мило улыбнуться, в ужасе прижала руки к сердцу и отступила на три шага.

— Какая еще ТЕТЯ?!!

Неслыханно! В шоу-бизнесе свои правила, этот негодник раньше называл её «сестрой»!

<http://bllate.org/book/17028/1585693>